

Выступление на заседании Круглого стола «Эволюция российского “среднего класса”»: причины, содержание и перспективы»

Можно определять средний класс и по его идейным позициям, по его ценностям, но тогда нужно точнее, оговорить его хотя бы количественные рамки. Когда мы говорим о среднем классе, мы часто используем для его определения известную методологию западной науки, которая делит все общество на низшие слои, средний класс и высшие слои. Например, сегодня в отечественной литературе принято определять средний класс по доходу или по средней по стране заработной плате. Тогда в него попадают все те же квалифицированные рабочие, учителя, врачи, инженеры, низшие чиновники, «офисный планктон» и т.д. Это, на мой взгляд, не самый лучший критерий (он меняется от страны к стране), но все же критерий важный с социологической точки зрения. Так, определив средний класс сначала по этому критерию, можно затем проследить и его идейную эволюцию.

В этой связи, средний класс, конечно, имеет определенные взгляды, ценности и идеалы. Мало того, по мере своего исторического развития он идейно, или мировоззренчески менялся: одно дело средний класс советских времен, периода перестройки и совсем иное его взгляды в постперестроечное и настоящее время. Его изменения можно проследить, только поняв эволюцию самого российского общества, начиная с конца 80-х годов прошлого века, когда ему было присуще традиционное советское мировоззрение, связанное с такими ценностями как государство, труд, коллективизм, равенство, справедливость, общественная форма собственности и т.д.

Однако, уже на рубеже 80-х и 90-х гг. по мере распада Союза и появления новых рыночных отношений эти ценности стали быстро меняться, заменяясь на либеральные. Особенно этот процесс усилился по мере осуществле-

ния неолиберальной политики «шоковой терапии», которая в одночасье опустила средний класс до уровня полной бедности. В данном случае к нему было вообще трудно применять понятие «средний класс». Половина людей его составляющих, которые были врачами, учителями, инженерами и т.д., превратились во многом в других граждан общества. Они, как правило, занимались тем, что таскали баулы товаров массового спроса из Польши, Турции или Китая в Россию. Это были известные всем «челноки»: они выживали сами и давали выживать другим.

Помню, как я в то время зашел на рынок, чтобы купить себе куртку и разговорился с одним из бывших школьных учителей, который торговал необходимым мне товаром. Он оказался многодетным учителем истории. Я спросил его: как Вам нравится новая работа, которой Вы занимаетесь? Он ответил: «Конечно, не нравится, но что делать?! Я вынужден кормить свою большую семью, а на деньги, которые я получал в школе, сделать это невозможно: вот и стою здесь». Этот, единичный пример наглядно показывает, что часть среднего класса начала 90-х годов, фактически полностью маргинализировалась. Его сознание во многом обрело двойственный характер, т.е. оно стало одновременно и сознанием интеллигента, и сознанием торговца.

Унаследованный от советских времен средний класс продолжал фактически существовать вплоть до 98-го года, до дефолта, когда основная его часть стала не средним, а «низшим классом» в новом российском обществе. В этой эволюции особенно пострадали рабочие, оказавшись в одночасье без работы и без заработка. К концу 90-х годов все наше общество разделилось примерно на две неравные части, а не на пять частей, о которых здесь говорилось. Оно состояло из 80% населения, которые материально явно проиграли от радикальных реформ. Все они стали представлять один громадный низший слой или класс общества. Остальные 20% населения, напротив, значительно выиграла от этих реформ - их можно обозначить как высший класс общества. Такая двухъярусная социальная структура – характерная черта

постсоветского времени. Ядром высшего класса стали представители крупного бизнеса, а его элитой - многие известные олигархи: Березовский, Абрамович, Потанин, Прохоров и др. Тайна их происхождения состояла в том, что они с прямого позволения политической власти получили возможность (путем залоговых аукционов) за бесценок приобрести в свою пользу государственную собственность, и таким образом в одночасье стать миллиардерами. Отсюда и характерные черты их сознания: всяческое оправдание современного олигархического капитализма и такого метода его становления как «шоковая терапия». По их мнению, которого они придерживаются до сих пор, выражаясь словами редактора журнала «Форбс», «капитализм может спасти только капитализм» и потому «никогда не следует криминализировать бизнес».

В нулевые годы возрождается типичная тройственная структура общества: низший, средний и высший классы. Образование среднего класса шло в основном за счет тех низших слоев общества, положение которых улучшилось за счет растущих цен на нефть и определенное социальное перераспределение доходов. Идеологически такое перераспределение доходов было тогда названо «борьбой с бедностью как «главной проблемой страны». Эта «борьба» пройдет через все нулевые годы вплоть до начала первого в истории глобального кризиса 2008-2010 гг.

Повторюсь, в нулевые годы средний класс начал возрождаться прежде всего, благодаря общему улучшению жизни всех слоев общества. Так квалифицированные рабочие сырьевого сектора, учителя и вузовские преподаватели, которые в начале 90-х получили менее 100 долларов в месяц в итоге стали получать на порядок больше. Более значительные зарплаты и доходы получило чиновничество и различные представители «офисного планктона». Это время прихода к власти В.В.Путина, который назвал предшествующее ему ельцинское время «хаосом». Он начал выстраивать свою «вертикаль вла-

сти», наводить «конституционный порядок», добиваясь «политической стабилизации» в общественных отношениях.

Тем не менее социально-экономические улучшения в стране, не могли спасти ее от негативных последствий глобального кризиса. В итоге, в связи с резким падением уровня жизни российских граждан и одновременным усилением авторитарных тенденций в обществе в 1911-1912-е годы, возникает известное Протестное движение, в котором активную роль сыграли многие представители среднего класса. Их сегодня нередко называют «креативным классом». Это были люди, ориентированные, в основном, на западную неолиберальную идеологию. Они разделяли концепцию модернизации страны, под которой подразумевалась фактически вестернизация общественных отношений в России. Вскоре в народе появились суждения о том, что большинство протестантов составляли люди, имеющие «норковые шубки». Конечно, в нем были и другие слои общества, которые не всегда можно определить однозначным образом. Тем не менее следует признать, что в подобных оценочных суждениях была доля истины, ибо в руководстве Протестного движения находились многие состоятельные люди типа Немцова, Каспарова и др. Идеологически они выдвигали следующие сугубо либеральные требования: меньше государства и больше свободы в условиях рынка, больше демократии и честности в проведении выборов, больше свободы слова и повышения роли политической оппозиции в обществе. Что касается требований призванных улучшить социальную защищенность граждан, то на них особенно настаивали представители левых партий и движений (Удальцов и др.), также принявших участие в протестах.

С окончанием глобального кризиса и его негативных последствий наступает политическая стабилизация. Она сопровождается ярко выраженной эволюцией взглядов правящего политического класса. Как не странно, одним из первых выразителей этой эволюции стал некогда воинствующий либерал А.Чубайс. Он призвал национальный бизнес и элиту правящего поли-

тического класса как можно скорее переходить к патриотическому мировоззрению. Так началась своеобразная историческая «смена вех» в Новой России. Эта «смена вех» подкреплялась улучшением материального положения среднего класса и распространением в государственных СМИ далекой от современности консервативной национал-патриотической идеологии. Как известно, ее открыто пропагандирует сегодня и наш Президент, часто встречающийся с религиозными деятелями страны, посещающий выставки православной культуры, цитирующий работы И.Ильина и др. руководителей и идеологов Белого движения.

Как же будет развиваться наше общество и его средний класс дальше? Каковы перспективы его развития? Это также будет зависеть, в основном от его экономического положения, которое в последнее время стало явно ухудшаться. И это, по всей вероятности, будет способствовать дальнейшему появлению новых протестных настроений в обществе. Какая же идеология им будет свойственна? Будет ли это старая идеология 90-х годов, насыщенная либеральными идеями и ценностями? Мне кажется, что какая-то часть нового протестного движения будет ее разделять. Их цель четко сформулировал один из политических обозревателей «Новой газеты», который высказался о том, что нам «нужна вторая либеральная революция», без которой невозможна подлинная модернизация страны.

Вместе с тем, я не думаю, что эти протесты в целом будут проходить только с требованиями радикальных либералов. Мне кажется, что эту историю мы уже прожили. И ждать возрождения эпохи 90-х гг. было бы утопично.

Как же, в этой связи, поведет себя большинство среднего класса? Какие требования он будет выдвигать? Ответы на эти вопросы будут во многом зависеть, с одной стороны, от его экономического положения, от состояния современных международных отношений и тех экономических санкций, которые сегодня наложены Западом на Россию. С другой, - от той политики

России, которая должна преодолеть свое одностороннее сырьевое развитие, решительно провести современную индустриализацию, основанную на технологической и информационной революции, позволяющих не на словах, а на деле добиться так называемого импортозамещения, реализовать эффективную социальную сферу, преобразовать науку и культуру.

Вчерашняя беседа Путина с представителями Академии наук вселяет на этот счет определенные надежды. Одним словом, если в ближайшее время общество сумеет консолидироваться в этом направлении, тогда можно надеется на развитие и укрепление среднего класса, ибо в этом сохраняться общественная нужда, т.е. нужда в ученых, творческих учителях и инженерах, в хорошем здравоохранении и т.д. К сожалению, движение в эту сторону пока носит сугубо противоречивый характер. С одной стороны, мы говорим о высокой роли науки и высокой роли образования. А с другой стороны, мы сокращаем школы, сокращаем поликлиники и больницы. Это порождает очаги явного недовольства и протестных настроений в обществе.

Говоря о будущей идейной эволюции среднего класса, думаю, здесь будут проявляться два течения. Одно из них будет иметь явно левый характер, определяемый теми социальными противоречиями, которые связаны с падением общего жизненного уровня народа. И второе течение этого среднего класса будет ностальгировать по консервативным и либеральным ценностям. К сожалению, тут, видимо, мало специалистов, которые могли бы дать точный количественный анализ современного общества.

Было бы неплохо его показать в рамках традиционной социальной классификации: т.е. сколько у нас сегодня процентов высшего, среднего и низшего класса. Пока мы говорим на сугубо качественном уровне.

Что касается морали, то она оказывает свое влияние на классификацию или стратификацию общества. Возрастает, в частности, значение углубляющейся социальной поляризации общества. Есть разная статистика в этом отношении. Но есть данные о том, что количество наемных работников увели-

чивается, и сегодня их численность доходит до 90%. В этой связи все общество делится на две части: 10% и 90%. Отсюда трудности количественного определения среднего класса.

К чему я это говорю? К тому, что сегодня можно уже нащупать отдельные критерии того, кто будет нести на себе основное бремя, например, за санкции и другие трудности, которые нас ждут впереди. Как будут в этой связи реагировать верхняя и нижняя часть нашего общества. Я имею в виду, например, отношение к закону Ротенберга. Как известно, основная часть общества, включая средний класс, его отринула. И власть вынуждена сегодня маневрировать. Я не знаю, будет ли этот закон окончательно принят или нет, но соответствующая негативная реакция общества на него, очевидна. Вопрос второй: кто должен нести основное бремя, связанное с западными санкциями? Можно ли делать исключение для представителей элиты, которые имеют собственность за границей, когда подавляющее большинство общества от них страдает? Вопросы, ответы на которые, на мой взгляд, не столь однозначны.

То же самое можно сказать и о других вопросах, которые сейчас совершенно четко определились. В этой связи, на первый план выходит проблема справедливости, прежде всего, социальной справедливости, когда намечается определенный отход от бесплатного образования, медицины и т.д. Какая социальная группа в обществе требует к себе большей или меньше справедливости.

Я думаю, что мы не поймем события, которые будут у нас происходить в России в будущем, если мы абстрагируемся от событий в Европе и даже в Соединенных Штатах Америки. Вы посмотрите, Америка сегодня бурлит, в основном, на расовой основе. Протесты насчитывают сотни тысяч людей. У них тоже остро стоит проблема справедливости. Она также связана с проблемой социальной поляризации граждан. Она выходит на первый план во всем мире. Вот что я хочу сказать. Отсюда и трудности современного пони-

мания проблемы поведения среднего класса, да и всей прежней теории модернизации.

Мы видим, как на наших глазах меняется мир. Идет невиданное ранее передвижение и смешения народов. Весь мир буквально бурлит: этнические и социальные противоречия усиливаются. Это совершенно новые процессы. Они не охватываются прежней теорией модернизации, в основе которой лежит известная идея «вестернизации», т.е фактического «озападня» неразвитых и развивающихся стран. Особенно она не подходит России.

Например, сегодня нельзя рассматриваете события в России как возвращение «к совку», как «возвращение к Советам». Это упрощение. Люди прекрасно понимают, когда им лучше. Когда они начинают пользоваться потребительским обществом, которое наступило после 90-х годов, они не хотят возвращения к проблеме «колбасы». Они хотят пользоваться всеми достижениями потребительского общества во всем их разнообразии. Но нужно двигаться дальше, вперед.

Дело не в том, что мы якобы не прошли эпоху модернизации. Это не так. Запускать в космос ракеты мы могли только на основе уже проделанной модернизации. Нам нельзя сегодня возвращаться к устаревшей теории двадцатилетней давности. Сегодня стоит другой вопрос: как двигаться к принципиально новому, уже посткапиталистическому обществу. Обществу, где креативные люди будут играть доминирующее значение, где интеллигенция будет выступать творческим классом. Здесь сегодня находится главная проблема.

Почему сегодня интеллигенция не довольна? Потому что она не востребована. Не востребована профессионально. И здесь, прежняя теория модернизации (вестернизации), характерная для индустриального общества, не может дать ответа в силу своей устарелости.